DOI: 10.31249/rsm/2025.01.12

А.В. Апанасенок

ЧЛЕНЫ КПСС И ЦЕРКОВЬ: ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРАКТИКИ И «ПРИМИРЕНЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ» В ПАРТИЙНОЙ СРЕДЕ ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Аннотация. *В статье обсуждаются вопросы, связанные с массовыми нарушениями членами КПСС требований партийного устава относительно борьбы с «религиозными пережитками» в позднем СССР. Основываясь на документах аппарата Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религий при Совете министров СССР, а также на результатах современных полевых исследований, автор анализирует проявления, масштабы, а также причины вовлеченности номинальных строителей коммунизма в православные практики. Особое внимание уделяется участию членов КПСС в обрядах православного крещения, которое, несмотря на осуждение партии, оставалось распространенным явлением. В работе показано, что предпосылками сохранения партийцами связей с православной культурой могли быть не только фактическое равнодушие к марксистско-ленинской идеологии или поиск основы для этнокультурной идентичности, но и практический синтез советских и православных ценностей на уровне индивидуального мировоззрения.*

Ключевые слова: *православие; КПСС; Русская православная церковь; позднесоветский период; религиозные практики; коммунистическая идеология.*

Апанасенок Александр Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Россия, Москва.
E-mail: apanasenok@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: ABF-4944-2020
Scopus Author ID: 56607294300

Apanasenok A.V.

Members of the CPSU and the Church: Orthodox practices and “conciliatory views” in the party environment of the late Soviet period

Abstract. *The paper examines mass violations by members of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU) concerning the party’s charter requirements aimed at combating “religious remnants” in the late Soviet era. Drawing on documents from the staff of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church and the Council for Religious Affairs under*

the Council of Ministers of the USSR, as well as findings from contemporary field research, the author analyzes the manifestations, scope, and underlying reasons for the involvement of nominal communists in Orthodox practices. Particular attention is given to the participation of CPSU members in Orthodox baptism rites, which, despite party condemnation, remained a widespread phenomenon. The study reveals that the persistence of party members' ties to Orthodox culture was driven not only by indifference to Marxist-Leninist ideology or the search for a foundation for ethnocultural identity but also by a practical synthesis of Soviet and Orthodox values at the individual level of worldview.

Keywords: *Orthodoxy; CPSU; Russian Orthodox Church; Late Soviet period; religious practices; communist ideology.*

Apanasenok Alexander Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: apanasenok@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: ABF-4944-2020
Scopus Author ID: 56607294300

В 2020 г. в России обсуждались поправки в текст действующей Конституции. Среди предложений, вызвавших серьезные общественные дискуссии, было упоминание в главном государственном документе Бога[1]. Одним из поддержавших эту идею политических «тяжеловесов» оказался лидер КПРФ Геннадий Зюганов, заявивший, что образ Творца «соответствует основным ценностям нашей державы» [Бог в Конституции 2020]. Его позиция, вызвавшая шквал критики со стороны леворадикальных политиков, действительно выглядела необычно, однако – только в глазах малоискушенных в партийной повестке наблюдателей. В действительности «почвеннический» идейный сдвиг в среде российских коммунистов стал заметен довольно давно. Начиная с 1990-х годов члены КПРФ не раз называли ошибкой пропаганду атеизма в СССР. В партийной прессе нередко можно было встретить поздравления верующих с Рождеством или Пасхой, а также заявления о необходимости совместного отстаивания традиционных ценностей русской (либо российской) цивилизации. Сам Г. Зюганов в 2012 г. утверждал, что взгляды возглавляемой им партии и РПЦ по поводу «будущего человека, всей земной цивилизации в решающей степени совпадают» и обещал употребить «все влияние партии для защиты доброго имени и авторитета» незаслуженно оскорбляемых священнослужителей [«Интерфакс» о заявлении 2012]. Это и другие подобного

1. В ныне действующей редакции Конституции Российской Федерации это упоминание присутствует в ст. 67: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и ***веру в Бога****, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство».*

рода заявления находили понимание со стороны Русской православной церкви, о чем свидетельствует, например, награждение лидера КПРФ орденом «Славы и чести» в 2014 г. [Патриарх Кирилл вручил 2014].

Уважительное отношение к традиционной конфессиональной культуре, которое подчеркивают современные коммунисты, а также та легкость, с которой многие представители других общественно-политических сил – выходцы из советской номенклатуры – в постсоветский период пришли к позиции «сочувствующих» православию или даже воцерковлению, заставляет задаться эвристически значимым вопросом. Было ли сообщество членов коммунистической партии позднего СССР в основной своей массе так далеко от религиозных (православных) ценностей, как это традиционно декларировалось? Или же непримиримое отношение коммунистов к религии зачастую выступало скорее теоретическим постулатом, нежели практической нормой?

Обсуждению этого вопроса посвящена данная статья. Вполне осознавая его сложность, автор не пытается сразу прийти к каким-либо однозначным выводам (даже если таковые возможны, то для них требуется гораздо больше фактологического материала), стремясь, прежде всего, вызвать тематическую научную дискуссию. Анализ имеющейся литературы свидетельствует об отсутствии серьезных исследований по теме влияния православия на широкие слои КПСС, хотя логика развития историографии подталкивает к их появлению. Так, в солидных трудах по новейшей истории Русской православной церкви, подготовленных Д.В. Поспеловским, М.И. Одинцовым, М.В. Шкаровским, периодически находятся упоминания о коммунистах, участвовавших в православных обрядах [Поспеловский 1995; Одинцов 2002; Шкаровский 2010]. Можно встретить в современной литературе и попытки обосновать роль православия как опосредованной аксиологической или культовой основы советского строя [Тендит 2011; Чернов 2016]. Наконец, принципиально важны для исследования указанной проблемы работы, посвященные формированию у верующих граждан СССР двойной «советско-православной» идентичности и указывающие на точки практического соприкосновения теоретически несовместимых культур [Шлихта 2012; Воробьева 2019; Лизгунов 2021; Советская идентичность 2022]. Наличие такого рода публикаций дает надежду на корректировку сложившейся в академическом мейнстриме традиции безапелляционного противопоставления конфессиональной культуры и советского образа жизни, а также научное осмысление широкого спектра вызревших в недрах КПСС вариантов отношения к православию.

В данной статье затронуты вопросы о проявлениях и масштабах приобщенности членов КПСС к православным традициям в позднем СССР, а также об идейных основаниях лояльного отношения к православной культуре со стороны определенной части номинальных строителей коммунизма. В последнем случае мотивы сохранения православных традиций рассматриваются как с по-

зиций, выражавшихся партийцами в 1960–1970-е годы, так и с точек зрения, высказывавшихся бывшими членами партии в постсоветское время. В ходе работы автор опирался на материалы аппарата Совета по делам Русской православной церкви (СДРПЦ) и Совета по делам религий (СДР) при Совете министров СССР[2], документы КПСС, а также результаты собственных исследований в формате устной истории 2021–2022 гг.

Коммунисты и православные обряды

В апреле 1972 г. председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР В. А. Куроедов выступал с докладом на одном из расширенных совещаний СДР. С точки зрения атеиста доклад не выглядел оптимистичным – в основном в нем говорилось о серьезных проблемах, вставших на пути ограничения влияния религии на массы. В начале Куроедов заострил внимание на случае, имевшем место в г. Орехово-Зуево в том же году. Здесь двое членов КПСС, муж и жена, прожившие в браке пятнадцать лет, решили обвенчаться в церкви. Когда поступок коммунистки-жены стал обсуждаться на партийном собрании, она с возмущением заявила: «Помилуйте, я никакого вреда партии не сделала. Я хожу на партийные собрания, плачу членские взносы. А обвенчаться в церкви я мечтала с первых дней нашего брака. И была счастлива, когда, наконец, муж согласился» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 976. Л. 43].

Был ли описанный случай исключительным? Возможно, если иметь в виду ту открытость, с которой партийцы пошли под венец, а также возмущенный ответ обвинителям вместо робких оправданий. Если же говорить о самом факте участия в православном обряде тех, кому полагалось быть атеистами, то редкостью его назвать было трудно: к 1972 г. таких примеров накопилось огромное количество. Уже с 1940-х годов в православных храмах страны периодически можно было встретить членов компартии, приобщавшихся к конфессиональной культуре по личным убеждениям или под давлением родственников. Серьезное влияние на таких людей оказал «сталинский конкордат» с РПЦ и последующий «новый курс» в государственно-церковных отношениях, связанные с некоторой либерализацией отношения к верующим. Как отметила Е. Зубкова, после 1943 г. среди определенной части членов ВКП (б) и ВЛКСМ распространилось мнение, что «теперь можно коммунистам ходить в церковь, молиться Богу, крестить детей и венчаться» [Зубкова 1999, с. 107]. Это подтверждают донесения региональных уполномоченных созданного тогда же Совета по делам Русской православной церкви, в 1944–1946 гг. постоянно указывавших на не-

2. Совет по делам РПЦ был образован в 1943 г., Совет по делам религий в 1965 г. в результате объединения Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов.

обычайный религиозный подъем, охвативший большое количество граждан и, в том числе, некоторых партийцев [см., напр.: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. ДД. 30, 63]. Чаще всего современниками отмечались факты участия коммунистов в обряде крещения, скрыть которые было труднее, чем другие конфессиональные практики (и которые порой сопровождались приемами гостей и застольем). Один из представителей СД РПЦ в 1946 г. писал по этому поводу: «повсюду, в городах и селах, новорожденных крестят, чем не гнушаются и некоторые коммунисты» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 63. Л. 8]. Конечно, если участие коммунистов в обряде крещения предавалось огласке, следовали санкции, порой – исключение из партии. Так, по данным М.В. Шкаровского, за такие действия в 1946–1947 гг. в одной только Воронежской области партбилеты потеряли 40 человек, в Калининской – 56, в Горьковской – 35 и т.д. [Шкаровский 2010, с. 345]. Впрочем, исключения из ВКП (б) (с 1952 г. – КПСС) ее членов, а также «воспитательная работа» с комсомольцами не очень помогали. «Детей крестят всех родившихся», – писал в 1949 г. курский представитель СД РПЦ, ссылаясь на беседы с земляками [ГАКО. Ф. 5027. Оп. 5. Д. 3. Л. 55]. А в 1954 г. тот же функционер, объясняя в очередном докладе причины стойкости конфессиональных традиций в глубинке, вынужден был сослаться на фактическое единство мнений относительно важности православных ритуалов среде партийных и беспартийных и процитировать местного благочинного: «люди по традиции веруют… верующих много и в церковь ходят много. Но если в церковь ходят и не все, то обряды-то исполняют все, в том числе и коммунисты» [ГАКО. Ф. 5027. Оп. 5. Д. 13. Л. 147].

Важным подтверждением того обстоятельства, что в общественном сознании православные традиции и коммунистическая идеология отнюдь не всегда противопоставлялись, явилось стремление граждан приурочивать обряды крещения к важнейшим советским памятным датам – 7 ноября, 1 и 9 мая. Из-за большого наплыва желающих организовать таинство в праздничные дни в советских городах в послевоенные десятилетия часто практиковались коллективные крещения, однако даже в таком формате священники не всегда успевали [Советская идентичность 2022, с. 239]. Разумеется, большинство участников соответствующих обрядов не имело отношения к КПСС, однако сам факт повышенной нагрузки на священников в «коммунистические» праздники говорил о социальном запросе на практическое соединение теоретически несоединимого.

На борьбу с такими явлениями (в том числе в партийной среде), как известно, была направлена «большая» хрущевская антирелигиозная кампания 1958–1964 гг. Во время этой кампании XXII съездом КПСС был утвержден устав партии, где во втором параграфе раздела «Члены партии, их обязанности и права» подтверждалось, что коммунист обязан вести решительную борьбу с «религиозными предрассудками и другими пережитками прошло-

го» [Устав 1961, с. 13]. Однако, судя по данным конца шестидесятых – начала семидесятых годов, долгосрочного эффекта хрущевская активизация на атеистическом фронте не дала. Начало брежневского периода ознаменовалось очередным всплеском интереса к конфессиональной культуре в СССР [Шкаровский 2010, с. 385–388], затронувшим и партийцев. В 1969 г. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС проверил по ряду областей, краев и республик, насколько ответственно коммунисты выполняют требования Устава партии. Комментируя итоги этой проверки, уже упомянутый В. А. Куроедов три года спустя говорил: «Вскрыто было немало фактов, когда коммунисты сами пользовались услугами церкви. Вопрос был тогда поставлен остро, но тем не менее и сейчас некоторые коммунисты крестят своих детей, держат в доме иконы … подрывая тем самым престиж коммуниста» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп.5. Д. 976. Л.44].

Действительно, и во второй половине 1960-х, и в 1970-е годы годовые аналитические сводки Совета по делам религий неизменно включали в себя большое количество примеров участия коммунистов в таинстве православного крещения (в документах приводится статистика по разным регионам, в каждом случае «пойманные» исчисляются десятками). Например, в информационном отчете за 1967 г. среди крестивших детей коммунистов Пензенской области названы заведующие библиотеками, руководители клубов, инженеры научно-исследовательского института и т. д. Только в самой Пензе в число «не оправдавших доверия» членов КПСС вошли 27 инженерно-технических работников, шесть сотрудников вузов, учитель, врач, старший зоотехник и шесть работников милиции. В отдельно взятом Дарницком районе Киева в 1965–1967 гг. было зафиксировано 82 случая крещения детей коммунистами, в число которых вошел секретарь местной партийной организации, преподаватель школы рабочей молодежи и т. д. [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 106–107].

Тенденции к уменьшению количества таких эпизодов не просматривалось. В 1974 г. СДР констатировал, что в СССР по-прежнему «многочисленны случаи, когда родители, совершающие крещения над детьми, являются интеллигентными людьми с высшим образованием, коммунистами и комсомольцами» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 1305. Л. 105]. Обратившись к 1442 случаям крещений, легально (!) совершенных в 1974 г. в Красноярском крае, местные уполномоченные выявили 30 родителей – членов КПСС. В Тульской области в ходе выборочной проверки были обнаружены случаи участия в обряде крещения 13 коммунистов, в Брянской – 16. Также в аналитическом обзоре СДР представлены многочисленные примеры участия в христианском таинстве секретарей парторганизаций, депутатов райсоветов, «партийных» инженеров, агрономов, учителей, сотрудников УВД из других регионов. Из приводимых фактов видно, что в некоторых случаях детей крестили в семьях, где коммунистами были

оба родителя. Например, в Марийской АССР были «уличены» заведующий кафедрой Марийского политехнического института и его супруга-инженер, председатель исполкома сельсовета и его жена-учительница [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 1305. Л. 106–107].

Разумеется, приводимые СДР цифры не выглядят слишком большими. Однако необходимо иметь в виду, что Совет видел лишь «верхушку айсберга»: случаи крещения детей коммунистами, которые становились известны партийным инстанциям, были результатами неудачного (для их участников) стечения обстоятельств. Подавляющее большинство таких обрядов оказывались таинствами не только в религиозном, но и практическом смысле, так как обычно тщательно конспирировались. Впрочем, в материалах СДР имеются и описания довольно вызывающего, с точки зрения партии, поведения ее представителей. Например, в одной из аналитических справок представлен рассказ о том, как в 1966 г. в совхозе рядом с Минском своих детей крестили сразу четверо членов КПСС. В качестве одной из крестных была приглашена пятая коммунистка, руководившая местной птицефабрикой. Когда казначей при храме указал будущей восприемнице, что ей как «партийной» не очень удобно быть записанной в книгу для учета совершаемых крещений, коммунистка дерзко ответила: «Записывайте и в книгу, я не боюсь» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 108]. В той же справке можно обнаружить указания на ряд случаев, когда руководители хозяйственных организаций (как правило, коммунисты) не просто закрывали глаза, а даже оказывали содействие в организации крещений детей, освобождая граждан от работы на время крестин или даже выделяя автотранспорт для поездки к храму.

К началу 1970-х годов проповедникам атеизма стало ясно, что добиться однозначно негативного отношения к православным практикам со стороны тех, кто определял идейный климат в стране, не удалось. Одним из доказательств здесь стало исследование ленинградских социологов, которое они провели в 1971 г. среди большой группы интеллигенции. Было опрошено 1000 писателей, журналистов, музыкантов, артистов, врачей, учителей, среди которых традиционно имелось много членов КПСС (впрочем, в данном случае количество таковых не указывалось). Им было предложено высказать свое отношение к фактам крещения детей. Большая часть опрошенных (529 человека) отказались осудить акт крещения даже в том случае, если за таинством обращается называющий себя неверующим человек [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 976. Л. 46].

Конечно, участие в обряде крещения само по себе не доказывает искренней веры или погруженности в православную культуру. Однако, эта практика исключает последовательный атеизм (который требовался от членов КПСС), а также свидетельствует о желании соблюсти важнейшую христианскую традицию. Впрочем, стремление символически приобщить к православию детей

было не единственным свидетельством идейного синкретизма членов КПСС и кандидатов на вступление в партию. Например, в аналитической справке СДР за 1967 г. можно найти характерную цитату из речи сельского священника из Калининской области относительно отношения коммунистов к религии и Богу. Простодушно недоумевая по поводу отказа властей от открытия церквей при каждом сельсовете, он жаловался: «Разве не нашлось бы для этого числа верующих? Ведь сами коммунисты тайком выполняют религиозные обряды, не выбрасывают из своих домов иконы» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 10]. Судя по данным эпизодических исследований с грифами «для служебного пользования», этот батюшка не так уж преувеличивал: иконы в домах коммунистов (особенно сельских) не были редкостью. Например, во время предпринятого в 1971 г. обхода жилищ членов КПСС в Севском районе Брянской области выяснилось, что православные образы имеются в половине посещенных общественными инспекторами домов [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 638. Л.166]. В других районах той же области также было зафиксировано немало «вопиющих» случаев отсутствия должного атеистического настроя даже у членов партии, призванных вести идеологическую работу с населением. Например, иконостасы были обнаружены на квартире заведующей учебной частью Глуховской школы (по иронии судьбы, возглавлявшей местную лекторскую группу), а также у заведующего местным сельским клубом. Примерно такую же картину дало и обследование домов коммунистов в Брянской области (теперь уже на территории Почепского района), проведенное три года спустя [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 1305. Л. 107]. Для партийных функционеров, отвечавших за борьбу с «пережитками», все более очевидной становилась невозможность справиться с ними даже в собственных рядах, оставалось лишь выражать озабоченность. Впрочем, слабость к православным обрядам могли проявить даже сотрудники того же Совета по делам религий. Например, когда заместителя председателя СДР И. Бражника на семинаре по атеистической работе спросили, должен ли член КПСС выполнять последнюю волю религиозного отца или матери, пожелавших, чтобы их похоронили согласно церковным правилам, советский функционер ответил: «Я думаю, что должен» [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 34. Д. 130. Л. 58]. Судя по всему, этот ответ отразил распространенное в советском социума убеждение, что религиозный традиционализм старшего поколения, а также терпимость к нему (в силу необходимого уважения к прожившим жизнь людям) – вещь естественная. В. Смолкин в своей монографии приводит еще более яркий пример: в 1974 г. стало известно, что сотрудник того же СДР из Москвы организовал отпевание своего умершего отца, причем на отпевании присутствовало еще несколько членов Совета [Смолкин 2021, с. 447]. Как видно, в частной жизни представители атеистически ориентированной правительственной организации вполне могли стать на мировоззренческие позиции, которые ими осуждались в рабочее время.

Национальная идентичность, «Моральный кодекс строителя коммунизма» и евангельские заповеди: в поисках точек соприкосновения

Почему же заметная часть членов КПСС отказывалась рвать нити (более или менее заметные), соединявшие их с традиционной конфессиональной культурой? Разумеется, общего ответа здесь нет, причины для несоблюдения пресловутого «второго параграфа» разнились. Первая (довольно очевидная и наиболее распространенная) была связана с отсутствием у большинства партийцев стойких марксистско-ленинских убеждений. В послевоенный (и тем более позднесоветский) период коммунистическая партия перестала быть сообществом избранных, превратившись в многомилионную организацию: уже к 1961 г. численность ее членов достигла 10 млн [Материалы XXII съезда 1961, с. 4]. Вступление в партию рассматривалось как условие повышения социального статуса, карьерного роста, самореализации. Такое положение дел приводило к тому, что членами КПСС порой становились конфессионально-ориентированные люди, скептически настроенные к господствующей идеологии и считавшие важным помнить традиции. Среди них были как представители творческой интеллигенции (можно вспомнить таких известных людей, как Л. Леонов, С. Михалков, И. Козловский, бывших членами КПСС, но в частной жизни не скрывавших теплого отношения к православной культуре), так и влиятельные функционеры. Например, А.С. Ципко – сотрудник ЦК ВЛКСМ в конце 1960-х годов, в воспоминаниях так характеризовал своих коллег: «они не были ни марксистами, ни атеистами, ни ленинцами. Им, как и мне, было жаль той России, которую разрушили большевики. Все они симпатизировали православию» [цит. по: Митрохин 2003, с. 350].

Другая причина интереса к православным традициям и вытекающим из этого интереса практикам была связана с патриотическим (а порой и националистическим) настроем, характерным для определенных кругов в номенклатуре и номинально партийной интеллигенции. Представители так называемой «русской партии», а также сочувствующие им видели в православии важную составляющую этнонациональной идентичности. Группируясь вокруг отделений Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), литературных кружков, неформальных краеведческих обществ, такие люди искали в православном наследии спасение от «интернационального вакуума». Им периодически предъявлялись обвинения в «заигрывании с боженькой» [Dunlop 1985, p. 24], однако изжить желание познакомиться с религиозными традициями, демонстрируемое некоторыми членами КПСС, не представлялось возможным[3].

3. Известный своими националистическими взглядами член КПСС, писатель И. Шевцов вспоминал о многочисленных встречах с руководителем Церковно-археологического кабине-

Равнодушие к марксистско-ленинскому учению (либо разочарование в нем), рост почвеннических настроений в 1960–1970-е годы – довольно естественные факторы, стимулировавшие интерес общества (в том числе и некоторых партийцев) к традиционной конфессиональной культуре. Однако была еще одна, довольно парадоксальная на первый взгляд, причина спокойного или даже благожелательного отношения определенной части коммунистов к тому, что партия называла «пережитками». Речь идет о фактическом сближении советской и официально-церковной культур на уровне дискурсивных практик в послевоенный период. На особенностях этого сближения следует остановиться подробнее, для начала обратившись к показательному эпизоду из воспоминаний известного ученого-обществоведа Ф. Бурлацкого, в 1960-е годы принимавшего участие в подготовке важных партийных документов. В этом эпизоде говорится о том, как однажды группа советских интеллектуалов из аппарата ЦК во время пребывания на одной из подмосковных дач получила срочный запрос на подготовку «Морального кодекса строителя коммунизма». Как пишет Бурлацкий, «мы стали фантазировать. Один говорит «мир», другой – «свобода», третий – «солидарность» … Я сказал, что нужно исходить не только из коммунистических постулатов, но и также из заповедей Моисея, Христа, тогда всё действительно «ляжет» на общественное сознание. Это был сознательный акт включения в коммунистическую идеологию религиозных элементов. Буквально часа за полтора мы сочинили такой текст, который в Президиуме ЦК прошёл на «ура»» [Федор Бурлацкий 2007, с. 4].

Создание «Морального кодекса строителя коммунизма» на основе библейских заповедей стало частным случаем процесса невольного аксиологического приближения КПСС к ценностям христианства в рамках выработки в 1960–1970-е годы концепции «социалистического образа жизни» [Смолкин 2021, с. 409–410]. Несмотря на формальный антагонизм по отношению к религии, эта концепция (подкрепленная сотнями публикаций и активно пропагандируемая в позднем СССР) предлагала приоритет нравственного начала над материальными благами, скромность, взаимоуважение, почтительность к старшим, духовно-насыщенный творческий труд, разумное ограничение потребления,

та Троице-Сергиевой Лавры протоиереем А. Остаповым, а также интересе к православию со стороны других партийцев так: «Наши встречи стали частыми и регулярными. Я встречался с ним едва ли не каждую неделю, теперь уже со своими приятелями, которые желали побывать в лавре и осмотреть музей Духовной академии. Вместе со мной побывали в лавре писатели Иван Акулов, Игорь Кобзев, Сергей Викулов, Геннадий Серебряков, Валентин Сорокин, артисты Алексей Иванов, Алексей Пирогов, Анатолий Полетаев, художник Павел Судаков, скульптор Борис Едунов, маршалы авиации Иван Пстыго и Николай Скоморохов, генералы Василий Петренко, Александр Копытин, Василий Рябов, партийные и государственные деятели, в том числе и министр связи Николай Талызин – будущий зампредсовмина и кандидат в члены Политбюро» [Шевцов 2000, с. 591–592].

патриотизм, т.е. то, что традиционно проповедовали представители Русской православной церкви.

С другой стороны, сама Церковь в послевоенный период демонстрировала все больше сочувствия идеям коммунистического строительства и советскому образу жизни (исключая, естественно, атеизм). Возрожденный в годы войны «Журнал Московской Патриархии» регулярно публиковал статьи о поддержке социальных и политических начинаний советской власти, выступал с воззваниями в духе советского патриотизма [Лизгунов 2021]. Просоветская риторика звучала в выступлениях православных иерархов. Например, в знаменитом послании патриарха Алексия православным прихожанам в честь 50-летия Октябрьской социалистической революции (1967 г.), с одной стороны, отмечалась выдающаяся роль Октября в отечественной истории, а с другой – позитивная оценка достижений революции верующими. В документе говорилось и о том, что Октябрьская революция предопределила «начинания, созвучные евангельским идеалам» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 6].

И в 1960-е, и в 1970-е годы священники на местах в проповедях часто проводили мысль о созвучии коммунистических идеалов евангельским нормам [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л. 40; Д. 965. Л.177–194; Д. 1305. Л. 112–114 и т. д.]. Явное противоречие между коммунистической идеологией и христианством при этом преодолевалось «диалектически». Так, в одной из проповедей 1967 г., прочитанной в г. Кизляр, прихожане слышали, что «религия и материалистическое мировоззрение могут сосуществовать. Религия и коммунизм будут жить вечно и бесконечно, хотя они и несовместимы, как вечны и несовместимы огонь и вода, но полезны и необходимы для людей» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 152. Л.18]. Нередко клирики брали не себя роль тех, кто указывает гражданам на социальные и экономические достижения советской власти. Они строили свои речи в соответствии со сформировавшимся к позднесоветскому периоду церковным дискурсом [Апанасенок 2022, с. 167–171] и в то же время старались соответствовать ожиданиям своих прихожан, нуждавшихся в синтезе «православного» и «советского». Потребность в таком синтезе, судя по утверждениям СДР, была повсеместной, выразившись в популярности «просоветских» батюшек [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 801. Л. 113].

Охарактеризованная позиция Церкви, сформировавшаяся в послевоенные десятилетия и выражавшая ее политическую (отчасти – идеологическую) лояльность советскому строю, явно снижала градус напряженности между сторонниками строительства «нового мира» и верующими. Последствия усвоения гражданами соответствующей риторики порой имели парадоксальные житейские проявления. Например, в одном из партийных докладов, озвученных во время хрущевской антирелигиозной кампании, отмечалось, что в домах верующих нередко можно встретить мирно соседствующие молитвенник и Программу компартии [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 215. Л. 145]. А в 1963 г.,

Л.Ф. Ильичев, выступавший на собрании возглавляемой им идеологической комиссии при ЦК КПСС, заявил, что в СССР, где церковь перестала считаться реакционной политической силой, верующие не видят противоречия между православными практиками и преданностью стране. Более того, многие, указывал функционер, считают коммунизм воплощением христианских идеалов [РГАНИ. Ф. 72. Оп.1. Д. 9. Л. 21–23]. Среди материалов Института научного атеизма (ИНА), относящихся к концу 1960-х годов, можно найти немало доказательств соединения православно ориентированными гражданами идей и символов двух формально несочетаемых культур, в том числе факты о странном, но популярном сравнении Иисуса Христа с В. Лениным [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 154. Л. 69].

Конечно, отождествление евангельских и советских ценностей представлялось правильным отнюдь не всем. Однако нельзя отрицать того факта, что идея о значительном совпадении «земных» целей возглавляемого КПСС государства и Церкви получила значительное распространение в общественном сознании. Она создавала предпосылки для примирения «советской» и «православной» идентичностей у граждан СССР, включая некоторых членов коммунистической партии. Об этом свидетельствуют не только источники позднесоветского периода, но и данные современных опросов.

Проблема сочетания православных и советских ценностей в зеркале мнений бывших членов КПСС

В 2021–2022 гг. автором этой статьи было организовано специальное анкетирование, направленное на выявление отношения православно-ориентированных граждан старшего возраста к советским ценностям (проводилось на территории Курской, Орловской и Белгородской областей России). Условием участия в опросе была вовлеченность опрашиваемых в приходскую жизнь в позднесоветский период (хотя бы символическая), а также на современном этапе (к заполнению анкет приглашались люди, периодически или регулярно посещающие православный храм). В 2021 г. респондентам было предложено заполнить анкету на тему «Православные традиции в СССР», среди прочего включавшую вопрос о допустимости совмещения веры в Бога и в наступление коммунизма (такую анкету заполнили 144 человека от 52 до 88 лет). В следующем году был проведен анкетный опрос по теме «Влияние православных традиций на уклад жизни граждан СССР в позднесоветский период», в ходе которого был задан вопрос о соответствии реалий советской жизни православным ценностям (этот опрос прошли 58 человек от 48 до 82 лет) [Подробнее см.: Советская идентичность, 2022, с. 17–19]. Из 202 респондентов, заполнивших анкеты в течение двух лет, 18 – сделали пометку о том, что в советское время состояли в КПСС (11 – в 2021 г., 7 – в 2022 г.). 16 бывших членов пар-

тии, судя по анкетам, были крещены в детстве, двое – в 1980-е годы. Их ответы (как, впрочем, и результаты анкетирования в целом) дают интересную пищу для размышлений о том, как могли сочетаться православные и советские (коммунистические) ценности в мировоззрении представителей «руководящей и направляющей силы» СССР.

Принципиально важным фактом, который пришлось констатировать по итогам двухлетних полевых исследований, стало нежелание большинства опрошенных явно противопоставлять советскую и православную культуры. Так, в 2021 г. на вопрос о принципиальной возможности сочетать веру в Бога и в наступление коммунизма более-менее утвердительно ответили 76 (53%) опрошенных. В случае с бывшими членами КПСС большинство оказалось внушительнее: положительный ответ дали восемь из 11. В основном, он был основан на мнении об общности центральных советских и православных ценностей. Характерная цитата из анкеты: «Что у советской власти, что в Церкви: не укради, помоги ближнему. Одни и те же заповеди» [Архив проекта 2021, Валентина Васильевна П.]. В ответах сквозит убежденность в том, что идея коммунизма является в значительной мере христианской или же дополняет заповеди Иисуса Христа. «Изучите Закон Божий, изучите «Кодекс чести молодого строителя коммунизма», и если найдете разницу, то вы не поймете, к чему призывает Спаситель Христос», – ответил интеллигентный мужчина, бывший сотрудник газораспределительного предприятия [там же, С.К. Толмачев]. «В том, что мы одновременно верили в Бога и коммунизм, я считаю, ничего страшного не было… У Бога мы выполняли заповеди, а у коммунизма – моральный кодекс строителя коммунизма, а одно дополняло другое», – практически повторил советский офицер, член КПСС с 1976 г. [там же, Юрий П.И.]. Можно найти в ответах и тезис о разном «качестве» христианских и коммунистических идеалов, которое дает возможность сочетать их. Первые – выше, вторые – ниже, но они способны дополнять друг друга. «Можно. Наступление коммунизма – это лучше жить. Это качество жизни… Бог – это вечность. А коммунизм может быть, а может не быть», – отметил советский инженер-коммунист, самостоятельно пришедший к православию в начале 1980-х годов [там же, Ю.М. Бубнов].

На вопрос «Можно ли считать, что советский уклад жизни в чем-то воплощал православные ценности?» в 2022 г. утвердительно ответило подавляющее большинство опрошенных – 84%. В случае с бывшими членами КПСС ситуация оказалась аналогичной – лишь одна пожилая женщина, выпускница института марксизма-ленинизма, разочаровавшаяся в коммунистических идеалах в 1980-е годов и ныне работающая в храме, написала твердое «нет!» [Архив проекта 2022, Н.Я. Надеина]. Поясняя свою позицию, большинство (и бывшие партийцы, и беспартийные) попыталось обосновать соответствие православным ценностям тех черт, которые стремилась сфор-

мировать в советских гражданах ведомая КПСС власть. «Да! Так как нравственные нормы поведения в советском обществе являлись, в первую очередь, православными нормами» [Архив проекта 2022, Л.П. Стародубцева], «Провозглашаемые на государственном уровне ценности соответствовали библейским заповедям» [там же, С.А. Кононова] – характерные выдержки из анкет. Респонденты опять же вспомнили «Моральный кодекс строителя коммунизма» как отражающий традиционные конфессиональные ценности, пропаганду в СССР «нравственных» книг, умеренность в потреблении, осуждение половой распущенности и т.д. Двое бывших членов КПСС (и еще девять других респондентов) указали, что советский строй и православную культуру роднит общая норма уважения к пожилым людям (типичные примеры из ответов: советская власть учила уважать родителей, заботиться о них в старости, уступать место старшим в общественном транспорте, пионеры привлекались для помощи пенсионерам и т.д.). Присущая позднесоветской культуре ценность уважительного отношения к старшим была связана некоторыми опрошенными с тем влиянием, которое пожилые родственники оказывали на отношение семьи к вопросам религии. Например, как написала выпускница историко-педагогического факультета, в прошлом член КПСС, а ныне глава паломнической службы: «если верит в Бога твоя бабушка – это твоя семья, твоя бабушка, следовательно, над этим нельзя смеяться» [там же, С.В. Пискарева]. «Советский уклад жизни воплощал православные ценности. В них никогда не изменяли и не теряли своего значения основные понятия: Добро, зло, Долг, Любовь, Семья, Отечество, Национальная культура … Нас приучали к заботе о пожилых и юных членах семьи, к верности, отказу от эгоистического поведения, к уважению разных культур, к солидарности и объединению в тяжелых ситуациях … В 1960–1980-е годы не пропадало благородство, гостеприимство, доброта, умение повседневные заботы и личные проблемы осмысливать и подчинять духовным идеалам» – еще одна развернутая цитата из анкеты пожилой женщины с партийным прошлым, отказавшейся противопоставить православные ценности и идеалы лучших строителей коммунизма [Архив проекта 2022, Л.В. Ефремова].

Разумеется, охарактеризованные результаты опросов 2021–2022 гг. не позволяют делать однозначные выводы о преобладающей мотивации коммунистов, не порывавших связей с традиционной конфессиональной культурой в позднесоветский период (для этого, по крайней мере, нужно было бы провести специальное исследование, ориентированное исключительно на бывших партийцев и охватившее гораздо большее их количество). Однако они дают возможность констатировать распространение в позднем СССР стремления к «примирению» советских и православных идеалов, охватившее и некоторых членов атеистически ориентированной партии.

***

Итак, многочисленные факты указывают на то, что православные практики в среде членов КПСС не были редкостью в позднесоветский период. Распространившееся в советском обществе в условиях «сталинского поворота» к Церкви представление о возможности сочетания советской и христианской идентичности затронуло и определенную часть партийной среды. Несмотря на попытки очистить последнюю от «пережитков», активизировавшиеся во время антирелигиозных кампаний, количество приобщенных к православной культуре коммунистов оставалось внушительным, а возможно и росло. Разумеется, необходимость скрывать эту приобщенность в доперестроечных условиях не дает сегодня возможности оперировать статистическими данными кроме тех, что касались «пойманных» и наказанных. Однако даже они убеждают: КПСС как субъект идеологии и как сообщество живых людей сильно отличались. Многочисленные заявления современников, зафиксированные Советом по делам религий в 1960–1970-е годы (включая ламентации руководителей этой структуры), а также более поздние воспоминания свидетельствуют, что крещение новорожденных и хранение «бабушкиных» икон было «обычным делом» даже для членов партии.

Причины сохранения связей с православием части партийцев в позднем СССР разнообразны. Очевидно, что для многих, воспринимавших свое членство в КПСС сугубо инструментально, решающим фактором оставалось конфессионально-ориентированное семейное воспитание. Кроме того, в условиях роста национально-патриотических и почвеннических настроений в брежневский период православие все чаще становилось основой для этнонациональной идентификации. Наконец, есть довольно много фактов, указывающих на то, что некоторые коммунисты вполне искренне считали возможным сочетание предлагаемых партией идеалов «справедливого мира» и православного учения. Предпосылки для такого подхода создавала как просоветская риторика Русской православной церкви (включая указания на евангельскую основу «Морального кодекса строителя коммунизма»), так и пропаганда самой КПСС традиционных ценностей в рамках концепции «социалистического образа жизни». Опросы пожилых православно ориентированных россиян, включая бывших партийцев, показывают, что синтез культур, теоретически неприемлемый как для партии, так и для Церкви, нередко все-таки происходил на уровне индивидуального мировоззрения советских граждан.

Библиография

Апанасенок А.В. «Коммунистическая» трансформация и феномен советского патриотизма в среде православных верующих эпохи позднего СССР // Контуры глобальных трансформаций. 2022. Т. 15, № 5. С. 163–184.

Архив проекта «Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940–1980-е гг.» Курск, Региональный от-

крытый социальный институт. Грант Российского фонда фундаментальных исследований на 2021–2022 гг.

Бог в Конституции. Коммунисты пошли по стопам Сталина? // Царьград ТВ: офиц. сайт. 2020. 12 февр. URL: https://tsargrad.tv/articles/bog-v-konstitucii-kommunisty-poshli-po-stopam-stalina_238456 (дата обращения: 10.09.2024 г.)

Воробьева Н.В. Конструирование «советской» идентичности в автобиографиях омских архиереев // Омские научные чтения – 2019. Материалы Третьей Всероссийской научной конференции. Омск: Изд-во ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2019. С. 962–963.

ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 5027. Оп. 5. Д. 3.

ГАКО. Ф. 5027. Оп. 5. Д. 13. Л. 147.

ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 6991. Оп.5. Д. 152.

ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 638.

ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 801э

ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 5. Д. 976.

ГАРФ. Ф. 6991. Оп.5. Д. 1305.

ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 154.

Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 230 с.

«Интерфакс» о заявлении Г.А. Зюганова в связи с агрессией против РПЦ // КПРФ: оф. сайт. 2012. 21 июня. URL: https://kprf.ru/rusk/108477.html (дата обращения: 11.09.2024 г.)

Лизгунов П.О. Публикации свт. Луки (Войно-Ясенецкого) и проблема идентичности верующих советских граждан // Богословский вестник. 2021. № 4 (43). С. 159–189.

Лизгунов П.О. «Журнал Московской Патриархии» как инструмент «примирения» православного и советского самосознания у верующих СССР в 1940-е – 1980-е гг. // Церковный историк. 2021. № 2 (6). С. 147–157.

Материалы XXII съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1961. 464 с.

Митрохин Н. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 624 с.

Одинцов М.И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М.: ЦИНО, 2002. 310 с.

Патриарх Кирилл вручил лидеру КПРФ Г.А. Зюганову орден Русской Православной Церкви «Славы и Чести» III степени // КПРФ: оф. сайт. 2014. 12 сентября. URL: https://kprf.ru/photoreports/251.html (дата обращения: 11.09.2024 г.)

Поспеловский Д.В. Русская Православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.

РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 5. Оп. 33. Д. 215.

РГАНИ. Ф. 72. Оп.1. Д. 9.

РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. М-1. Оп. 34. Д. 130.

Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 552 с.

Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940-е – 1980-е гг.: коллективная монография / под ред. А.В. Апанасенка. Курск: Изд-во РОСИ, 2022. 321 с.

Тендит К.Н. Православная и советская культуры: точки сопряжения культовых традиций // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. III. С. 166–175.

Устав Коммунистической партии Советского Союза: Утв. XXII съездом КПСС. М.: Госполитиздат, 1961. 31 с.

Фёдор Бурлацкий: «Судьба дала мне шанс». Беседа главного редактора журнала «Российский адвокат» Р.А. Звягельского с известным политологом, учёным и писателем Ф.М. Бурлацким // Российский адвокат. 2007. №5. С. 4–9.

Чернов А.В. Русское православие как социокультурная основа коммунизма // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова: Общественные науки. 2016, № 1. С. 79–82.

Шевцов И. Тля. Соколы. М.: Голос, 2000. 638 с.

Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М: Вече, 2010. 478 с.

Шлихта Н.В. «Православный» и «советский»: к вопросу об идентичности верующих советских граждан (1940-е – начало 1970-х гг.) // Антропологический форум. 2012. № 23. С. 82–107.

John B. Dunlop. The new Russian nationalism. Praeger, ABC-CLIO, LLC, 1985. 106 p.

References

Apanasenok A.V. «Kommunisticheskaya» transformatciya i fenomen sovetskogo patriotizma v srede pravoslavnyh veruyushchih epohi pozdnego SSSR [The «Communist» Transformation and the Phenomenon of Soviet Patriotism among Orthodox Believers in the Late USSR]. Kontury global'nyh transformacij [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law]. 2022. Vol. 15. N 5. P. 163–184. (In Russ.)

Arkhiv proekta «Sovetskaia identichnost' i problemy religioznosti: pra-voslavnye praktiki v povsednevnoi zhizni grazhdan SSSR v 1940–1980-e gg.» Kursk, Regional'nyi otkrytyi sotsial'nyi institut. Grant Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovanii na 2021–2022 gg. [Archive of the project «Soviet identity and problems of religion: Orthodox practices in the daily life of citizens of the USSR in the 1940s – 1980s.» Kursk, Regional Open Social Institute. Grant of the Russian Foundation for Basic Research for 2021–2022].

Bog v Konstitutcii. Kommunisty poshli po stopam Stalina? [God is in the Constitution. Did the Communists follow in Stalin's footsteps?]. Tsargrad TV: ofits. website. 2020. February 12. URL: https://tsargrad.tv/articles/bog-v-konstitucii-kommunisty-poshli-po-stopam-stalina_238456 (date of access: 09.10.2024). (In Russ.)

Chernov A.V. Russkoe pravoslavie kak sociokul`turnaya osnova kommunizma [Russian Orthodoxy as the socio-cultural basis of communism]. Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Xetagurova: Obshhestvenny`e nauki [Bulletin of the K.L. Khetagurov North Ossetian State University: Social Sciences]. 2016. N 1. P. 79–82. (In Russ.)

«Interfaks» o zayavlenii G.A. Zyuganova v svyazi s agressiej protiv RPTC [Interfax on the statement of G.A. Zyuganov in connection with the aggression against the Russian Orthodox Church]. KPRF: official website. 2012. June 21. URL: https://kprf.ru/rusk/108477.html (date of access: 09.11.2024). (In Russ.)

Fyodor Burlatsky: «Sud`ba dala mne shans». Beseda glavnogo redaktora zhurnala «Rossijskij advokat» R.A. Zvyagel`skogo s izvestny`m politologom, uchyony`m i pisatelem F.M. Burlaczkim [Fyodor Burlatsky: «Fate gave me a chance». A conversation between the editor-in-chief of the Russian Lawyer magazine R.A. Zvyagelsky and the famous political scientist, scientist and writer F.M. Burlatsky]. A Rossijskij advokat. [Russian lawyer]. 2007. N 5. P. 4–9. (In Russ.)

GA KR [State Archive of the Kursk Region]. F. 5027. Inv. 5. Case 3. (In Russ.)

GA KR F. 5027. Inv. 13. Case 147. (In Russ.)

GA RF [State Archive of the Russian Federation]. F. 6991. Inv. 5. Case 152. (In Russ.)

GA RF. F. 6991. Inv. 5. Case 1305. (In Russ.)

GA RF. F. 6991. Inv. 5. Case 638. (In Russ.)

GA RF. F. 6991. Inv. 5. Case 801. (In Russ.)

GA RF. F. 6991. Inv. 5. Case 976. (In Russ.)

GA RF. F. 6991. Inv. 6. Case 154. (In Russ.)

John B. Dunlop. The new Russian nationalism. Praeger, ABC-CLIO, LLC, 1985. 106 p.

Lizgunov P.O. «Zhurnal Moskovskoj Patriarhii» kak instrument «primireniya» pravoslavnogo i sovetskogo samosoznaniya u veruyushchih SSSR v 1940-e – 1980-e gg. [The Journal of the Moscow Patriarchate as an instrument of «reconciliation» of Orthodox and Soviet identity among believers of the USSR in the 1940s – 1980s.]. TCerkovnyj istorik. [Church Historian]. 2021. N 2 (6). P. 147–157. (In Russ.)

Lizgunov P.O. Publikatcii svt. Luki (Vojno-Yaseneckogo) i problema identichnosti veruyushchih sovetskih grazhdan [Publications of snt. Luke (Voino-Yasenetsky) and the problem of the identity of believers of Soviet citizens]. Bogoslovskij vestnik [The Theological Bulletin]. 2021, N 4 (43). P. 159–189. (In Russ.)

Materialy XXII s"ezda KPSS [Materials of the XXII Congress of the CPSU]. Moscow: Gospolitizdat, 1961. 464 p. (In Russ.)

Mitrohin N. Russkaya partiya: Dvizhenie russkih nacionalistov v SSSR. 1953–1985 gody [Russian Russian Party: The Movement of Russian Nationalists in the USSR. 1953–1985]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 624 p. (In Russ.)

Odintsov M.I. Russkaya pravoslavnaya tcerkov' v XX veke: istoriya, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshtchestvom [The Russian Orthodox Church in the XX Century: History, relations with the state and society]. Moscow: TSINO, 2002. 310 p. (In Russ.)

Patriarx Kirill vruchil lideru KPRF G.A. Zyuganovu orden Russkoj Pravoslavnoj TCerkvi «Slavy` i Chesti» III stepeni [Patriarch Kirill presented the leader of the Communist Party of the Russian Federation G.A. Zyuganov with the Order of the Russian Orthodox Church «Glory and Honor» of the III degree]. KPRF: official website. 2014. September 12. URL: https://kprf.ru/photoreports/251.html (date of access: 11.09.2024) (In Russ.)

Pospelovskij D.V. Russkaya Pravoslavnaya tcerkov` v XX veke [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow: Respublika, 1995. 511 p. (In Russ.)

RGANI (The Russian State Archive of Modern History). F. 5. Inv. 3. Case 215. (In Russ.)

RGANI F. 72. Inv. 1. Case 9. (In Russ.)

RGASPI (Russian State Archive of Socio-Political History). F. M-1. Inv. 34. Case. 130. (In Russ.)

Shevtsov I. Tlya. Sokoly` [Aphid. Sokoly]. Moscow: Golos, 2000. 638 p. (In Russ.)

Shkarovskij M.V. Russkaya Pravoslavnaya TSerkov' v XX veke [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow: Veche, 2010. 478 p. (In Russ.)

Shlihta N.V. «Pravoslavnyj» i «sovetskij»: k voprosu ob identichnosti veruyushchih sovetskih grazhdan (1940-e – nachalo 1970-h gg.) [«Orthodox» and «Soviet»: on the question of the identity of believers of Soviet citizens (1940s – early 1970s)']. Antropologicheskij forum [Anthropological Forum]. 2012. № 23. (In Russ.)

Smolkin V. Sviato mesto pusto ne byvaet: istoriia sovetskogo ateizma [A sacred space is never empty. A history of Soviet atheism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 552 p. (In Russ.)

Sovetskaya identichnost` i problemy` religioznosti: pravoslavny`e praktiki v povsednevnoj zhizni grazhdan SSSR v 1940-e – 1980-e gg.: kollektivnaya monografiya [Soviet Identity and Problems of Religiosity: Orthodox Practices in the daily life of Soviet Citizens in the 1940s – 1980s: a collective monograph] / Ed. by A.V. Apanasenok. Kursk: ROSI, 2022. 321 p. (In Russ.)

Tendit K.N. Pravoslavnaya i sovetskaya kul`tury`: tochki sopryazheniya kul`tovy`x tradicij [Orthodox and Soviet cultures: points of convergence of cult traditions]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul`turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki

[Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. Tambov: Diploma, 2011. N 4 (10): in 3 parts. III. P. 166–175. (In Russ.)

Ustav Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Soyuza: Utv. XXII s``ezda KPSS [The Charter of the Communist Party of the Soviet Union: Approved by the XXII Congress of the CPSU]. Moscow: Gospolitizdat, 1961. 31 p. (In Russ.)

Vorob'eva N.V. Konstruirovanie «sovetskoj» identichnosti v avtobiografiyah omskih arhiereev [Constructing the «Soviet» Identity in the Autobiographies of Omsk Bishops]. Omskie nauchnye chteniya – 2019. Materialy Tret'ej Vserossijskoj nauchnoj konferencii [Omsk Scientific Readings-2019. Materials of the Third All-Russian Scientific Conference]. Omsk, 2019. P. 962–963 (In Russ.)

Zubkova E.Yu. Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953 [Post-war Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN, 1999. 230 p. (In Russ.)